Общая газета. – 1998. – 16-22 июля. – с. 10

Алексей ГЕРМАН

Баню бы на площадь Пролетарской диктатуры

ПРИБЕГАЕТ недавно режиссер Б. и говорит: «Алексей! Тебя награждают орденом!» Ну награждают и награждают, мне шестьдесят лет на днях. Но потом прибегает одна женщина, очень сведущая, и говорит: «Кого это ты так задел в Смольном, что тебе даже орден не подписывают?!»

Так вот: у меня две Госпремии, я народный артист – чего больше? Да и за что мне орден: я не подбил танк, не спас ребенка... К властям отношусь ровно. Но я не хочу от них зависеть! Не хочу, чтобы подо мной проставляли или не проставляли подпись! Особенно сегодня. Особенно в Смольном. Уж слишком смешные отношения складывались у меня в жизни с этим зданием.

Чего стоит одна история, как мы сдавали с Гришей Ароновым наш первый фильм «Седьмой спутник». Замечу, партийные бонзы никогда не были для меня небожителями. Помню, мы с отцом зашли в ресторан гостиницы «Москва» и какой-то голос из угла позвал: «Герман, садись с нами!» Толстиков с компанией там выпивали, мы сели. Но отец быстро в их полуматерную беседу включился... И вот едем мы с Гришей показывать фильм Толстикову. Директор студии, Киселев, с утра в луже страха («Седьмой спутник» была история Лавренева о расстреле заложников).

Просмотр в Смольном происходил так: в зале стояла высокая загородка, за которую заходили вожди, когда уже все сидели и не могли их видеть. Под загородкой съемочная группа и зрители, человек 70, глас народа должны изображать. После фильма наступает страшная тишина, и Толстиков из-за загородки спрашивает ректора института культуры: что скажете? Тот вскакивает и говорит: «Василий Сергеевич! Неужели революция была такой?! Я просто не представляю, чтобы революция могла быть такой жестокой!» Тогда встаю я, дурак дураком, и говорю: «Василий Сергеевич! Меня просто удивляет, как этот человек может занимать должность ректора». Вы что, Ленина не читали, говорю? Декрет о красном терроре не знаете? Чувствую, Киселев вцепился мне в штаны и сипит: «Сядь, дегенерат, сядь...» И вдруг Толстиков говорит: «А Герман прав. Правильно он тебя уцепил – Ленина ты не читаешь: революция должна быть жестокой!» Киселев, по-прежнему весь белый, не выпуская моих штанов: «Немедленно что-нибудь из Маяковского!» А мне ничего, кроме «побольше б ситчика моим комсомолочкам», в голову не идет... Но понимаю: если сейчас это выкрикну, то, при всем уважении к партийному папе, отволокут на Пряжку. Немая сцена. Ареопаг встает и удаляется.

Позже, с «Проверкой на дорогах» было все то же самое. Другие лица за загородкой, но тот же зал, тот же барьер, тишина, потом Романов обращается к «народу» (а это уж сам по себе был хреновый знак): какое будет мнение? Один герой в моем фильме был таксист. И вдруг встает в зале какой-то мужик и говорит: «Григорий Васильевич! Я руководитель таксомоторного предприятия номер 6, мы выполнили план на 130%, у нас есть герой труда Пупкин... И мы все как один возражаем, чтобы предатель в фильме был таксистом. Таксисты – рабочий класс. Мы требуем, чтоб он имел другую профессию!» Тут встаю я и говорю: «Не слушайте вы его! Жулики они, недаром про них фельетоны пишут...» В общем, базар. Романов говорит: «Герман, вы соображайте, где находитесь! Картина вредная, мы ее принимать не будем. Но в чем-то Герман прав: плохо таксисты работают, жалоб много. Надо рассмотреть на бюро обкома». И удаляются. Выхожу я в коридор, навстречу мне начальник таксопарка, рядом с ним подручный. И подручный скулит: «Иван Иваныч! На кой ты полез?! Ну кто тебя просил? Они нас счас копнут, а у нас же нарушений...» И я тоже говорю злобно: «Иван Иваныч! На кой ты полез – что ты в кино понимаешь?!» Герман, отвечает, мне картина твоя понравилась, душевная картина. Но бес попутал, захотелось мне знамя получить, отличиться, а теперь меня к такой-то матери снимут...

А как собрали творческие силы Ленинграда по поводу выступления Хрущева? Как драли Товстоногова за то, что он написал на занавесе «Горя от ума» пушкинские слова: «Черт меня догадал родиться в России с умом и талантом»?.. Конецкий буровил тогда что-то несусветное – как тонул на каком-то пароходе, вспомнил, что он коммунист, и это дало ему силы всплыть... В зале тут же возник вопрос: а что случилось с остальными?

...На все **их** требования я с годами приучился отвечать: «А мурашек? Если сделать, как вы говорите, то у меня вот здесь (на загривке) мурашка не будет». – «Какой мурашек?» А как же, говорю, без этого искусства нет. А мы искусством занимаемся – Ленин же сказал: из всех **искусств** для нас важнейшим...

Это все было в общем недавно. И я мечтаю, чтобы это здание на площади Пролетарской диктатуры отдали снова какому-нибудь институту. Можно – благородных девиц. Но еще правильнее отдать его под баню. От этого надо отмыться, избавиться. Что бы ни говорили, я не верю, что вор Гайдар, что вор Чубайс, что вор Собчак. Но одна из драматических ошибок нового режима заключается в том, что его представители так и не нашли в себе силы отказаться от этих кабинетов, от Смольного, от дач... (И Ельцину не следовало бы сидеть в Кремле.) Уверен, это помогло бы.

А что до ордена...

Курс на Высших режиссерских, работа в театре, фильм о судьбе реформ в России, снятый в новой стилистике документально-игрового кино, – вот планы Алексея Германа на ближайшее будущее.

Шестидесятый год его рождения выдался бурным. Впрочем, если судьба на что-то и поскупилась для него, так это на спокойные, безоблачные времена. Накануне 20 июля мы желаем классику российского кино здоровья – всё остальное у него уже есть...

Редакция «ОГ»